

Э. К. Пименова

**Франциск Ассизский. Его
жизнь и общественная
деятельность**

Жизнь замечательных людей

Эмилия Пименова

**Франциск Ассизский. Его жизнь
и общественная деятельность**

«Public Domain»

Пименова Э. К.

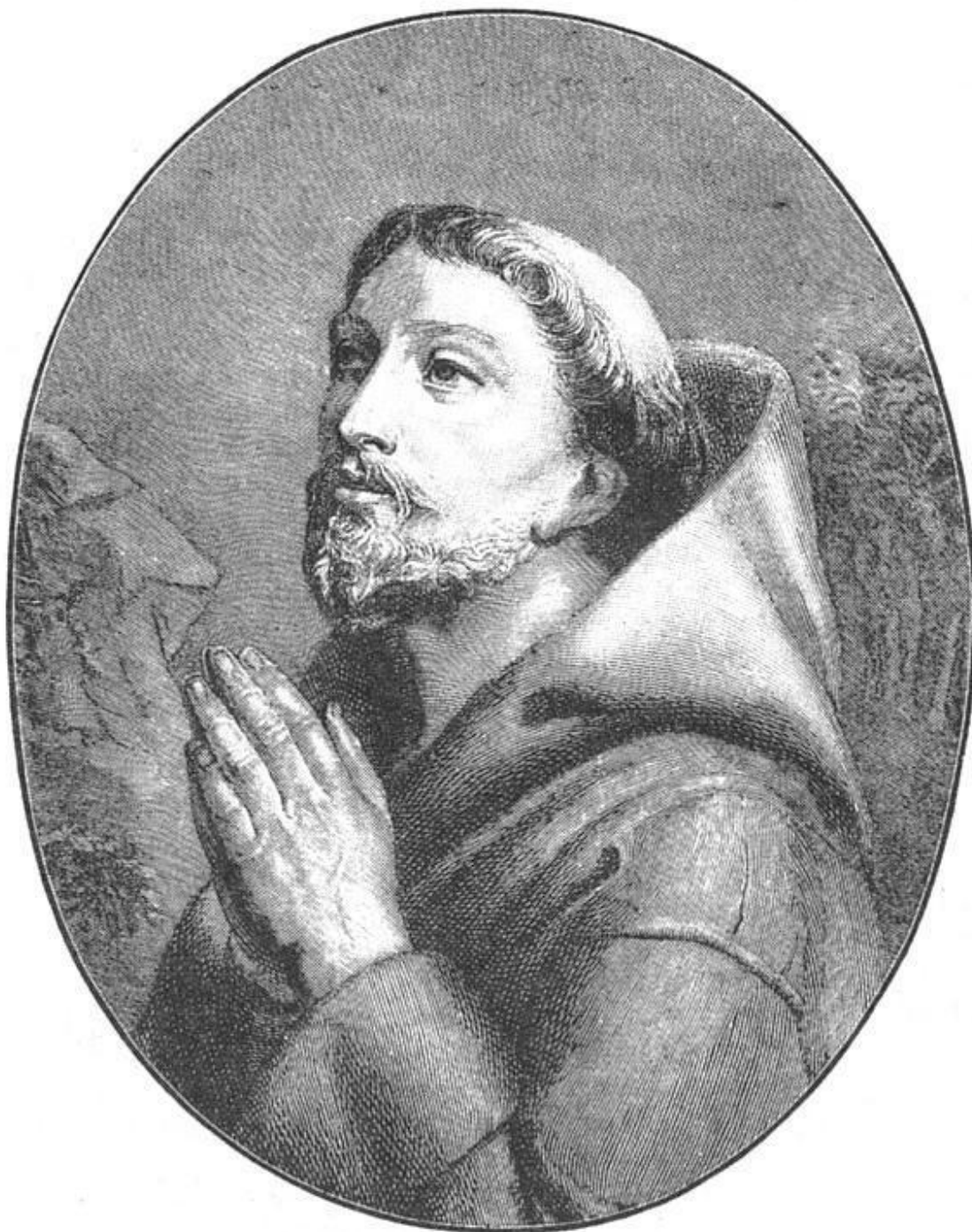
Франциск Ассизский. Его жизнь и общественная деятельность / Э. К. Пименова — «Public Domain»,
— (Жизнь замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Вступление	7
Глава I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Э. К. Пименова
Франциск Ассизский
Его жизнь и общественная
деятельность
Биографический очерк
С портретом Франциска,
гравированным в Лейпциге Геданом

Вступление

*Nihil habentes, omnia possidentes*¹

Если мы будем рассматривать историю не как перечень фактов и событий, описание битв, переворотов и перемен династий, а постараемся проследить эволюцию идей и чувств народов, понять настроение людей той или другой эпохи, то увидим, что в конце XII и в начале XIII века как будто новая свежая струя пронеслась над Европой, раздробленной и измученной кровавыми раздорами и распрями. В обыкновенные времена каждый народ живет своими отдельными интересами, своими радостями и печалью, но когда наступает кризис, – солидарность человеческого рода выступает особенно ярко и с такой силой, которую трудно было бы подозревать. Так было в 1789 году, так было и в XIII веке, когда Франциск Ассизский начал свою проповедь возрождения христианства.

Никогда, ни прежде, ни в последующие эпохи, границы не имели так мало значения и не было такого смешения национальностей и сближения народов, как в эту знаменательную эпоху.

“Нищенствующие ордена, – говорит биограф Франциска Ассизского, Поль Сабатье, – были при своем возникновении настоящими международными учреждениями. Когда в 1216 году св. Доминик собрал в Нотр-Дам-де-Пруилль своих братьев, их оказалось шестнадцать, и в том числе были: кастильцы, наваррцы, нормандцы, французы, лангедокцы и даже англичане и немцы. Еретики странствовали по всей Европе и нигде их не останавливала разность языка. Арно де Брешиа, например, знаменитый римский трибун, появляется во Франции, в Швейцарии и даже в Германии”.

Великое движение мысли в XIII веке было прежде всего религиозным движением, но носило светский характер. Оно вышло из недр народа и, несмотря на разные колебания и отклонения, все-таки стремилось к одной цели – отнятию святыни из рук духовенства. Тринадцатый век можно назвать не только веком святых, но и веком еретиков. Никогда еще церковь не была более могущественной, но никогда она и не подвергалась большей опасности. Быть может, если бы попытка религиозной революции, произведенная Франциском Ассизским, увенчалась успехом, она привела бы к уничтожению касты духовенства и к провозглашению прав индивидуальной совести. Но попытка эта потерпела фиаско, и позднее реформация произвела перемену лишь в том отношении, что власть священника заменилась властью писаний. “Но это была лишь перемена династий”, – замечает Поль Сабатье.

В то время, когда Франциск Ассизский начал свою проповедь, римская церковь давно уже служила предметом ужаса для всего христианского мира. Запятнавшая себя убийствами и корыстолюбием, то униженная, то жестокая в минуты своего торжества, западная церковь заслонила собою Бога от лица людей. Она прервала общение человека с Богом и заменила искреннюю веру такими добрыми делами, которые, по понятиям церкви, означали приношения верующих в казну духовенства. Церковь старалась возбуждать в верующих сознание полного бессилия, страх гибели без заступничества священника, служителя церкви, являющегося во всех случаях посредником между верующими и Богом.

Вынужденная часто защищать свое существование, церковь сделала своим кумиром власть и богатство. Она то прибегала к грубой силе, то обращалась к религиозному энтузиазму народов, то пускала в ход подкуп. В этом водовороте земных страстей погибло все, что составляло некогда основу христианства; Евангелие было забыто, и его заменили узкие фарисейские теории.

¹ Ничего не имеющий, всем владеющий (лат.).

“Священник в XIII веке, – говорит Поль Сабатье, – был антитезой святого и почти всегда его врагом. Отделенный от всего остального человечества священным миропомазанием, считающий себя представителем Всемогущего Бога, – священник сам становился для народа чем-то вроде божества, облеченного таинственной властью, могущего вредить или приносить пользу, – человеком, к которому надо приближаться с трепетом благоговения. Святой же, наоборот, ничем не выдавал своей миссии, но жизнь его и слова проникали в душу и покоряли все сердца. Он не нес обязанностей в церкви, но у него внезапно являлась потребность возвыситься в ней свой голос. Дитя народа, он понимал все его материальные и нравственные нужды и слышал голос его сердца”.

Таков был Франциск Ассизский; таковы были и все святые XIII века. Они были по преимуществу пророками, но не на основании посвящения церкви, а вследствие внутреннего призвания.

“Как только священник чувствовал, что он побежден пророком, – говорит Сабатье, – он тотчас же менял свое отношение к нему и брал его под свое покровительство; он вносил тогда проповедь пророка в священные книги и набрасывал на его плечи священническое облачение. Проходили дни, года, и, наконец, наступал такой момент, когда толпа переставала различать священника от пророка и видела в пророках продукт духовенства. В этом именно и заключается самая горькая ирония истории”.

Франциск Ассизский был святым средних веков. Ничем не обязанный ни церкви, ни школе, он в самом деле может быть назван “теодидактом”. Если даже он и не сознавал революционного значения своей проповеди, то тем не менее он всегда отказывался быть рукоположенным в священники; он понимал, что его духовное священство много выше.

Франциск был дитя народа, и народ узнавал себя в нем.

Его идеи были народными идеями, и он воплощал в себе душу итальянской нации совершенно так же, как воплотил ее позднее Данте. Он усвоил себе все народные стремления, его поэзию, его надежды. В Ассизи так же, как и во многих других итальянских городах, население делилось на два класса: богатых и бедных, “popolo grasso” и “popolo minuto”. Франциск Ассизский стал решительным образом на сторону последних. В этом заключалась политическая сторона его апостольства, и этим объясняется изумительный успех и популярность францисканского движения с самого начала его возникновения.

Италия, измученная войнами, опустошавшими ее, раздираемая междоусобицами, разоренная и разграбленная, почувствовала точно веяние свежей струи, возрождавшей ее к новой жизни, когда раздалась проповедь Франциска. Победа итальянских городов над войсками германского императора вновь возбудила надежду на возвращение национальной независимости страны. Но не одна Италия восторжествовала, когда возникло францисканское движение. Вся христианская Европа, измученная и истерзанная страхом перед Страшным судом, ожидающая пришествия антихриста как кары за все свои беззакония, тщетно искала дороги к спасению и жаждала мира и спокойствия души. Многие, стремясь найти этот покой и спасение, скрывались в стенах монастырей. Но монастыри могли приютить лишь небольшую часть христианского мира, и при этом монашество далеко не всем доставляло удовлетворение. Народ не получал из монастырей благой вести утешения и любви; монахи если и обретали сами спокойствие души, то все же не умели доставлять его другим. Они были слишком далеки от мира, и их молитвы не были слышны народу; кроме того, монастыри, вынужденные защищать свое благосостояние, имущество и независимость от разных посягательств, носили характер настоящих крепостей.

Францисканское движение, которое привело к образованию религиозного монашеского ордена, вначале было как бы выражением протеста христианской совести против “монахизма”; во всяком случае оно стремилось установить идеал, гораздо более высокий, чем тот, который существовал у тогдашнего духовенства. Франциск Ассизский не думал ни

о преобразовании церкви или свержении ее недостойных служителей, ни о восстановлении монашества и удалении от мира. Он стремился лишь к обновлению душ путем возрождения христианства в его первобытной чистоте; он жаждал увлечь церковь на путь усовершенствования, пробудить в ней стремление к евангельскому идеалу. Он сознавал, что в удалении от мира для созерцательной жизни заключается глубокий эгоизм, и поэтому не поддавался искушению уйти от действительной жизни, со всеми ее горестями, злом и несчастьем. Он видел раны и старался излечить их, вместо того, чтобы бежать от них. Он не только проповедовал любовь, но и весь был переполнен любовью и состраданием ко всем живущим в мире. Он шел не к счастливым и здоровым, а к бедным, несчастным, забытым, презираемым, к прокаженным и разбойникам.

Весьма вероятно, что пробелы теологического образования Франциска Ассизского принесли ему только пользу в его деятельности. Если бы он хорошо знал духовную дисциплину, то был бы обязан ее соблюдать; но так как она была ему совершенно незнакома, то, благодаря своему неведению, он часто нарушал ее бессознательно и становился настоящим еретиком, по понятиям церкви, сам не подозревая этого.

Официальные биографы Франциска Ассизского обыкновенно впадают в ошибку, стараясь как можно более разукрасить его образ и его жизнь. За этими украшениями искусственным сиянием, окружающим его, зачастую исчезает действительный образ замечательного “апостола нищеты”, гораздо более прекрасный. Жизнь Франциска Ассизского сама по себе так хороша, что не нуждается в прикрасах, и духовные авторы оказывают ему плохую услугу, стараясь выделить из среды всего остального человечества, как будто он не имеет с ним ничего общего.

Такие авторы, стремясь окружить Франциска как можно более лучезарным сиянием, представить его как отмеченного божественной печатью с самого рождения, как “родившегося святым”, а не сделавшегося им впоследствии, быть может, и возвышают его в глазах суеверных людей, но тем не менее лишают его жизнь той поучительности, которую она должна была бы иметь. Святой стоит так высоко над человечеством, что простые смертные не могут следовать его примеру, ибо они не отмечены божественной печатью, – не считая его таким же человеком, как и мы сами, мы не слышим внутреннего голоса, который бы говорил нам: “Иди и поступай так!”. Мы поклоняемся ему как существу высшему, но не стремимся подражать ему.

Но когда Франциск Ассизский начал свою проповедь, он еще не был окружен тем ореолом недостижимой святости, каким окружают его теперь официальные биографы. Измученные, страдавшие люди чувствовали в нем брата, понимающего их и болеющего о них; они видели в нем своего руководителя – и все, что было лучшего тогда в стране, устремилось по его следам.

Глава I

Детство и юность Франциска Ассизского. – Разгульный образ жизни. – Болезнь и нравственный перелом. – Неудачный поход. – Душевная борьба. – Паломничество в Рим. – Франциск обретает душевный покой

Маленький городок Ассизи, родина Франциска, до сих пор еще сохранил свою средневековую наружность, невзирая на то, что пронеслись века, с тех пор как оттуда раздались слова кроткой проповеди мира и любви. Узкие длинные улицы, дома, сохранившие свой прежний тип, развалины феодального замка – все это напоминает о далекой старине и переносит посетителя в те отдаленные времена, когда провансальская поэзия только что начала распространяться в итальянских городах, внося с собою свет и веселье в души людей, охваченных постоянным ужасом под влиянием мыслей об ожидающем их вечном наказании за грехи и страхом перед грозною властью церкви. Средние века особенно тяжело отзывались на городках подобных Ассизи, где постоянно сталкивались власть церкви и феодальных баронов. Население терпело от этой распри, от притеснений светской и духовной власти и, склоняясь под тяжестью угроз, с тоскою жаждало вести утешения и мира.

Скромный городок гористой Умбрии Ассизи жил собственной жизнью, не тронутый цивилизацией больших городов, как Флоренция, Милан и др., но тем не менее процветал, благодаря торговле. Поэзия трубадуров, проникшая в Италию, оказала свое влияние и на жителей Умбрии, развил у них вкус к пышным празднествам, к любовным песням и т. п. Чем мрачнее казалась окружающая жизнь, тем с большей страстностью искали люди забвения или в вихре наслаждений, в искусственной поэзии, или в суровом аскетизме и умерщвлении плоти. Люди того времени обладали всеми пороками, исключая пошлости, всеми добродетелями, кроме умеренности; это были разбойники или святые. Жизнь была слишком тяжела, и слабые погибали в большинстве случаев, следствием чего и явилось преобладание энергичных характеров. Надо было ежеминутно заботиться о предупреждении опасностей, угрожающих человеку со всех сторон, и приходилось принимать быстрые и энергичные решения. Всевозможные распри, войны, заговоры и почти повальные избиения побежденных, борьба папства с империей, с еретиками, неверными и тому подобные условия постоянно поддерживали людей в возбужденном состоянии, вызывая в их воображении картины, то исполненные ужаса, то наполнявшие душу блаженством. Одним словом, мысли людей той эпохи постоянно вращались вокруг рая и ада, заставляя их искать спасения в такого рода проявлениях благочестия, которые нас, людей другой эпохи, могут поражать своею полною нелепостью и несообразностью.

В такую-то тяжелую эпоху всеобщего смятения умов, в 1182 году, у зажиточного ассизского торговца сукном, Петра Бернардоне, родился сын, названный матерью при крещении Джованни, но затем переименованный отцом, по возвращении из Франции, где он находился во время рождения сына, во Франциска. Биографы Франциска мало сохранили сведений о его родителях, хотя впоследствии легенда, как и следовало ожидать, сильно разукрасила вымыслами его рождение. Известно, однако, что отец Франциска был богат, так как торговля приносила ему хорошие доходы.

В те времена жизнь купцов в значительной мере отличалась от теперешней. Им приходилось очень много разъезжать, совершая даже довольно отдаленные путешествия, чтобы запастись товарами. Путешествия эти зачастую были сопряжены с немалыми опасностями вследствие того, что дороги находились в первобытном состоянии, и разбойники беспрепятственно хозяйничали в стране. В своих разъездах торговцы различными тканями посещали замки феодальных владельцев, где появление их всегда составляло событие, так как они привозили не только товары, но и свежие новости с разных концов страны. Поэтому они

всегда были желанными гостями в замках; их удерживали подолгу, расспрашивали обо всем. Понятно, это вызывало некоторого рода сближение между аристократией того времени и крупными торговцами, так что в некоторых странах, например, в Провансе, на купцов смотрели почти как на дворян, но лишь второго разряда.

В религиозных движениях XIII века купцы играли далеко не последнюю роль именно потому, что они разносили по разным местам не одни только товары, но идеи, преимущественно религиозного характера, так как религиозные новости больше всего интересовали людей той эпохи, благодаря господствовавшему направлению мыслей. Во время своих странствований по белу свету купцы очень часто являлись сознательными или бессознательными проводниками идей – еретических, революционных и др. – и немало способствовали распространению некоторых сект и ересей.

Весьма возможно, что Петр Бернардоне своими рассказами по возвращении из разных поездок бессознательно способствовал появлению некоторых идей в душе сына, из которых впоследствии развилось его призвание; вероятно впечатлительный ребенок с интересом прислушивался к рассказам отца, отражавшим в себе не только мировоззрения эпохи, но и все ее ужасы и противоречия.

Когда Франциск подрос, его отдали в школу, находившуюся в те времена, как и везде, под кровом церкви. Наставниками Франциска были, конечно, священники, научившие его немного по-латыни, а этот язык был наиболее распространен и употреблялся как для проповедей, так и для политических сношений. Но Франциск, кроме того, знал и французский язык, которому вероятно научился в родной семье. Этим и ограничилось образование Франциска; он даже не научился хорошенько писать и поэтому брался за перо лишь в исключительных случаях, предпочитая диктовать и подписывать свои писания простым крестом. По словам одного из биографов Франциска, Сабатье, хранящийся в “Casto Convento”² подлинный автограф Франциска указывает на крайнюю неуверенность почерка, как бы свидетельствующую о том, что святой мало упражнялся в письме.

Жизнь Франциска в первые годы его детства ничем не отличалась от жизни других детей его возраста. В Умбрии, как и в Тоскане, у детей и теперь замечается склонность к забавам, которые бы им давали возможность выказывать в особенном блеске свои достоинства. Они любят изображать рыцарей, воинов, устраивать процессии, и конечно, Франциск, как сын зажиточных родителей, благодаря богатству и личным качествам, должен был играть одну из главных ролей в таких забавах, и всегда шествовал во главе процессий, устраиваемых его городскими сверстниками.

Фома Челано, один из учеников Франциска и составитель его первой биографии, с негодованием отзывается о системе воспитания, господствовавшей в то время; родители чуть не с пеленок развращали детей, развивая в них тщеславие и разные другие пороки. Конечно, и Франциск не избег общей участи. Отец и мать баловали его и не мешали ему бросать деньги направо и налево. Их самолюбию льстило, что Франциска постоянно окружали дети богатых и важных дворян, которых он привлекал своею безумною расточительностью. Эти дворянчики, часто пользовавшиеся щедротами Франциска, составляли нечто вроде его придворного штата, поощрявшего все его похождения. Он часто гулял по улицам города по ночам, при свете факелов, окруженный толпою молодежи в богатых нарядах и держа начальнический жезл в руках. Такие процессии не раз смущали спокойствие жителей маленького городка, и выходы Франциска служили нескончаемым предметом разговоров и толков. Соседки зачастую указывали матери Франциска, доброму и кроткому созданию, на безумства и беспорядочность жизни ее сына, но она обыкновенно отвечала на это: “Ну, что вы думаете? Я надеюсь, если будет угодно Богу, мой сын еще делается добрым хри-

² “Священная обитель” (лат.).

стианином”. Словам этим, столь обыкновенным в устах матери, придан был впоследствии пророческий смысл.

Как далеко зашел Франциск в своем разгуле, – на этот счет показания его биографов расходятся. Фома Челано и “три товарища”, францисканские братья Лев, Анджело, Руфин, его первые биографы, все сходились в том, что Франциск дошел до крайних степеней разгула. В позднейших биографиях Франциска об этом предмете говорится только вскользь, так как отцы церкви очевидно не желали о нем много распространяться. Во всяком случае, Франциск своим шумным весельем, своими выходками и расточительностью обращал на себя общее внимание и приобрел известность. Его богатства, эксцентричные костюмы возбуждали всегда много толков в городе, который он наполнял своею бурною веселостью и веселыми похождениями.

Но поэзия трубадуров, так увлекавшая в то время итальянскую молодежь, будила в них не одни только стремления к блестящим пиршествам и прославлению любви, возбуждая в них также и возвышенные чувства. Эта сторона поэзии не могла не оказать особенного влияния на впечатлительную душу Франциска, остававшегося, несмотря на разгульный образ жизни, нежным и чувствительным юношей, никогда не позволявшим себе ни одной грубой, неприличной выходки, ни на словах, ни в поступках. Франциск старательно избегал пошлости – его привлекало лишь то, что возвышалось над общим уровнем. Он страшно увлекался рыцарством и стремился подражать рыцарям, в которых всегда готов был видеть свой идеал. Он не мог оставаться нечувствительным к чужим страданиям. Вид бедняка всегда действовал на его впечатлительную душу... Когда ему случалось во время оргий наталкиваться на нищих, просящих подаяния, вид их всегда глубоко действовал на него. Он моментально забывал обо всем, как-то невольно ставил себя на место нищего и, проникаясь его положением, отдавал ему все, что у него было, деньги и даже одежду.

Однажды он был занят с покупателями в лавке отца. Туда вошел нищий и попросил у Франциска подаяния именем Господа. Франциску было не до нищего, и он довольно нетерпеливо отказал ему, но тотчас же раскаялся. Он сказал себе, что если бы нищий обратился к нему именем графа или барона, – он наверное не отказал бы ему так грубо. Франциску стало стыдно: повинувшись своему душевному порыву, он бросился из лавки вслед за нищим и вернул его.

Отец Франциска сначала смотрел на поведение сына довольно снисходительно. Ему нравилось, что тот водится все со знатными господами и сорит деньгами, как какой-нибудь важный вельможа. Бернардоне утешал себя тем, что он может посредством торговых операций восполнять ущерб, производимый сыном в его кармане. Но вскоре чересчур громкие похождения и расточительность Франциска начали не на шутку тревожить Бернардоне, и он пробовал удержать его, но бесполезно.

Как раз в это время политические события заставили встрепетаться всю Умбрию и Италию. После очень грозной борьбы с империей союзные республики добились признания, отняв у Фридриха Барбароссы почти все прерогативы власти, предоставив ему только одни ее наружные знаки да отличия. После битвы при Леньяно надежда на освобождение охватила всю Италию; все сердца забились в унисон, и можно было ожидать, что Италия восстанет как один человек и окончательно свергнет иго иностранцев. Но – увы – раздоры были слишком сильны: пробужденное было стремление к свободе не могло побороть их, и преемник Барбароссы еще сильнее дал почувствовать Италии тяжесть своей руки.

Однако движения идей он остановить не мог. Проснувшийся дух свободы все-таки заявлял о своем существовании, и даже маленький городок не оставался безучастным в борьбе, которая велась за независимость. Конечно, он понес за это тяжкое наказание; у него были отняты его привилегии, и он должен был подчиниться Конраду Швабскому, герцогу Сполетскому, который и держал его в повиновении до тех пор, пока на папский престол не

вступил Иннокентий III. Тут герцог понял, что он пропал, тем более, что Иннокентий III отказался от всех его подношений, так как не желал иметь вид, как будто он покровительствует немцам. Герцогу волей-неволей пришлось выехать из замка и отправиться к папе с изъявлениями покорности.

Как только герцог уехал, жители Ассизи бросились на его замок и почти не оставили там камня на камне. Затем так же поспешно они выстроили вокруг своего городка каменные стены. Франциск, которому было тогда 17 лет, принимал, конечно, участие в постройке и, вероятно, в это время и научился искусству каменщика, которое впоследствии так пригодилось ему.

К сожалению, жители Ассизи не сумели воспользоваться приобретенною свободой как следует. Сознание собственной силы вскружило им голову, и они вздумали распространить победу далее и завладеть имуществом дворян, которые заперлись в своих замках и дворцах; некоторые из замков были сожжены, и тогда графы и бароны обратились с просьбою о помощи к другим городам.

Перуджиа, находившаяся в то время в апогее могущества и давно уже точившая зубы на Ассизи, поспешила откликнуться на этот призыв и воспользовалась случаем, чтобы объявить войну ассизцам. Произошло столкновение на равнине, лежащей как раз посредине между двумя городами. Ассизцы были побеждены, и Франциск, находившийся в рядах сражавшихся, был взят в плен вместе с другими своими согражданами.

Плен продолжался целый год, и во все это время Франциск поражал всех товарищей по несчастью своей необыкновенной веселостью. Он не проклинал судьбы и не жаловался, как они, а постоянно строил планы на будущее и охотно делился ими со всеми. Он постоянно мечтал о рыцарских подвигах и похождениях, во вкусе трубадуров, и не раз говаривал при этом: “Вот увидите, я еще буду важным господином (*magnum principem*), и весь мир мне будет поклоняться”. Этим словам, также как вышеприведенным словам матери Франциска, был придан впоследствии такой же пророческий смысл.

Во время плена Франциск содержался не с простыми воинами, а вместе со знатью, некоторые члены которой также принимали участие в восстании Ассизи. И вот тут Франциску пришлось претерпеть немало разочарований. Эта знатная молодежь, которою он всегда восхищался издали, вблизи оказалась ужасно мелочной и малодушной. Все ее напускное высокомерие, гордость и величие, действовавшие внушительным образом на простых смертных, исчезло в плену. Прожив с ними в тесном общении целый год, Франциск должен был убедиться в их душевной пустоте и тщеславии. Тем не менее он всегда старался утешать их, когда они оплакивали свою участь, и исполнял роль миротворца при ссорах их между собой. И тут он всегда принимал сторону обиженных и всячески стремился прекращать распри между товарищами по плену.

Наконец, между жителями Ассиза и победителями состоялось соглашение, на основании которого пленники были выпущены на свободу, и вместе с ними Франциск вернулся в Ассиз. Ему тогда исполнилось 22 года.

Вернувшись домой, Франциск принялся за прежний образ жизни и даже с еще большею страстностью бросился в вихрь наслаждений, как будто желая наверстать потерянное время. Это был непрерывный ряд всевозможных пиров и оргий, которые в конце концов подорвали силы Франциска, и он опасно заболел.

Долгие месяцы больной находился между жизнью и смертью, и близость последней, впервые испытанная Франциском, была, вероятно, причиной нравственного перелома, совершившегося в нем.

Однако в конце концов молодость восторжествовала над тяжким недугом, и Франциск начал выздоравливать. Но силы восстанавливались очень медленно, поэтому Франциск еще

долго оставался как бы *отрезанным от действительной жизни* и мог на свободе предаваться размышлениям.

Размышления эти были невеселого свойства. Франциск как-то не ощущал столь обычного для выздоравливающих радостного чувства возрождения к жизни; веселье, всегда характеризовавшее его, исчезло и заменилось каким-то унынием, более тяжелым, нежели упадок физических сил. Когда в его воображении проносились картины его прошлой жизни, какое-то чувство горечи наполняло его душу. Все ему казалось так пошло, так ничтожно, кругом него была такая пустота! у него не было ни настоящего дела, ни настоящей привязанности, которая бы наполняла его жизнь и делала ее привлекательной. Удовольствия и развлечения потеряли для него свою прелесть; в этом отношении он изведal все, испив чашу наслаждений до дна. И только теперь, пригвожденный к одру болезни, лишенный возможности принимать участие в круговороте жизни, он почувствовал, что душа его не удовлетворена и что он только заглушал ее голос разгулом.

Такое нравственное состояние Франциска продолжалось и после его полного выздоровления, и он, конечно, искал из него выхода. Но где его найти? Религия, в том виде, в каком она практиковалась в окружавшем его обществе, в его семье и среди его друзей и знакомых, не могла доставить ему душевного удовлетворения. Это был грубый фетишизм, только называемый христианством, и чуткая душа Франциска понимала всю фальшь, заключавшуюся в таком исповедании христианской веры, а потому отворачивалась от него. Смутные стремления, овладевшие душой Франциска, однако, были недостаточны, чтобы указать ему новый путь, и потому он естественно вернулся на старый путь, ища забвения в новых подвигах и рыцарских похождениях.

Ему скоро представился случай осуществить свои мечты о славе. Один из ассизских рыцарей, быть может из тех, которые вместе с Франциском пробыли год в перуджийском плену, предложил ему отправиться вместе на юг Италии под начальство Готье де Бриенна, сражавшегося за дело папы Иннокентия III.

В то время Готье пользовался громкой репутацией во всей Италии. Его считали одним из самых благочестивых и храбрых рыцарей той эпохи, и, естественно, предложение отправиться к нему пришлось очень по вкусу Франциску. Сражаться рядом с таким рыцарем было великой честью, и Франциск был уверен, что он, совершив великие подвиги, покроет себя славой.

С радостью он принялся за приготовления к отъезду и, по обыкновению, не щадил расходов на экипировку; его рыцарский наряд, оружие и т. п. отличались небывалой роскошью, которая совершенно затмила всех его товарищей по оружию и даже самого начальника отряда.

Приготовления Франциска к отъезду, производимые им с таким шумом, безумные траты и роскошь его рыцарской экипировки возбуждали, конечно, много толков и разговоров в городе. Его товарищи завидовали ему, его замашки знатного барина возмущали их, и они дали себе слово отомстить ему при случае. Но Франциск ничего этого не замечал; во-первых, он был поглощен мечтами о славе и уже видел свой дом превращенным в рыцарское жилище, а во-вторых, он не был в душе тщеславен и не думал величаться перед товарищами. Ему нравились блеск и роскошь, они тешили его душу, но он не придавал им значения, точно так же, как не придавал значения деньгам, которые тратил без счета. Однако доброта, составлявшая основную черту его характера, сказала и тут, и когда он увидел рядом с собой бедного рыцаря, в убогой одежде, то, не задумываясь, отдал ему свой блестящий наряд.

Во время этих приготовлений к Франциску вернулись его прежняя веселость и живость, совсем было исчезнувшие после его болезни. Он опять сделался общительным и приятным собеседником, а когда его спрашивали о причине его радостного возбуждения, он отвечал: «Я знаю, что сделаюсь великим».

Наконец наступил день отъезда. Веселый и радостный, Франциск сел на лошадь и отправился в путь вместе с маленьким отрядом. Дорога шла по склонам горы Субазии, и маленький отряд должен был остановиться на ночлег в Сполетто. Что тут произошло – на этот счет нельзя найти точных указаний в документах, касающихся жизни Франциска, но достоверно одно, что он в тот же вечер решил вернуться в Ассизи. Весьма возможно, что знатные, завидовавшие ему товарищи, таившие против него злобу в сердце, привели свой замысел в исполнение и отомстили ему за то, что он, сын купца, держал себя с ними как равный, и даже подавлял их своею роскошью и щедростью.

Легенда, конечно, разукрасила по-своему это событие. По рассказам, на пути в Сполетто Франциск услышал в полусне голос, спрашивавший его, куда он направляется? Когда он ответил, опять раздался вопрос: “Кто может сделать для тебя больше добра, господин или раб?”. Франциск отвечал: “Господин”. – “Так зачем же ты бросил господина ради раба?” – последовал снова вопрос. Франциск сказал: “Как прикажешь мне поступить, Господи?” – “Возвратись на родину, там тебе будет сказано, что ты должен делать”. Проснувшись, Франциск решил немедленно вернуться в Ассизи и ждать, чтобы ему открылась воля Божия.

Так или иначе, Франциск почувствовал все-таки, что все его мечты рушились, и вернулся из Сполетто в Ассизи, где его неожиданное возвращение произвело, конечно, много шума и причинило немалое разочарование его родителям. Франциск был грустен; он как будто также пережил какое-то тяжелое разочарование. Он удвоил свою сострадательность к беднякам, которым всегда и прежде очень щедро раздавал милостыню.

Прежние разгульные товарищи Франциска не замедлили опять окружить его. Они очень обрадовались его возвращению, надеясь на возобновление прежней веселой и разгульной жизни. Франциск обыкновенно покрывал все расходы из своего кошелька, и, конечно, это было выгодно его товарищам. Но хотя Франциск и теперь поступал точно так же, и его кошелек всегда был открыт для друзей, однако во всех устраиваемых ими пиршествах он участвовал лишь как посторонний. На него, среди шумного веселья, все чаще и чаще стали нападать приступы тяжелого раздумья, начало которых надо отнести к его болезни.

Все чаще и чаще стал удаляться Франциск от своих товарищей и целыми днями бродил одиноко в окрестностях города. Вскоре, впрочем, к нему присоединился один из его друзей, не похожий на других и, очевидно, так же, как и Франциск, ощущавший душевную пустоту и пресытившийся земными наслаждениями.

Вероятно, оба приятеля поверяли друг другу свои мысли во время этих уединенных прогулок. Оба пришли к тому убеждению, что ни земные наслаждения, ни слава не стоят того, чтобы человек отдавал им всего себя и всю свою жизнь. Кто был этот друг Франциска – с достоверностью неизвестно, но по некоторым признакам надо думать, что это был тот, который впоследствии сделался преемником Франциска во главе основанного им ордена, брат Илья.

Очень часто Франциск заходил в грот, находившийся в окрестностях Ассизи и скрытый в зелени оливковых деревьев. Там, в уединении, он переживал тоску душевную, горько плакал о своих заблуждениях и пороках, печалился о том, что жизнь его протекает бесцельно, среди бессмысленного разгула, губящего душу и подтачивающего физические силы. Он жаждал высшей истины, высшей цели, и с тоскою обращал взоры к небу, как будто ожидая оттуда слов утешения и указаний. Его бледное, осунувшееся лицо, впалые глаза, светившиеся лихорадочным блеском, указывали на тяжелую нравственную борьбу, которую он переживал. Друзья замечали в нем перемену и всячески старались вернуть его на прежний путь. Но вскоре им пришлось убедиться, что между ним и ими образовалась пропасть, и они уже перестали понимать друг друга.

Однажды после очень веселой и шумной пирушки, на которой Франциск был провозглашен царем молодежи и ему вручен был почетный жезл, разгульные товарищи Франциска

возвращались вместе с ним по улицам города, уже погруженного в сон. Распевая веселые песни, они не заметили, что Франциск отстал от них, когда же они стали его разыскивать, то нашли погруженным в глубокое раздумье. Он стоял неподвижно, держа свой жезл “царя безумцев” в руках и не замечая ничего, что творится вокруг.

– Что это с тобой? – закричали они ему, стараясь пробудить его от раздумья. – “Вы разве не видите, что он замечтался о своей возлюбленной, на которой собирается жениться!” – воскликнул кто-то.

– Вы правы, – отвечал Франциск, пришедший, наконец, в себя. – Я мечтаю о том, чтобы взять себе жену, самую красивую, самую чистую и самую благородную, какую только вы можете вообразить.

В этом ответе сказался тот перелом, который совершился в душе Франциска, и друзья его скоро поняли это. Они убедились, что он уже больше не товарищ им в веселых похождениях, и оставили его в покое. Вскоре им пришлось узнать, о какой невесте, чистой и благородной, говорил Франциск.

В храме, который был выстроен впоследствии в Ассизи в честь Франциска, находятся чудные фрески знаменитого художника Джотто, изображающие сцены из жизни основателя ордена францисканцев. На одной из этих картин изображено символическое обручение Франциска с нищетой в образе красивой женщины с исхудалым лицом и в разорванном платье. На нее лаает собака, в нее бросают камнями, путь ее усеян терниями, но Христос, с высоты небес, благословляет ее брак с Франциском, которому она протягивает руку, – и ангелы кругом ликуют.

Оставив общество друзей, не понимавших ни его душевной тоски, ни совершившейся в нем перемены, Франциск стал еще более искать уединения, и чем более размышлял о своей прежней жизни, тем отвратительнее она ему казалась. Наслаждения и удовольствия, которым он предавался некогда со всем пылом юности, потеряли для него всякую прелесть. Он увидел мелочность и тщеславие своих бывших друзей, тотчас же отвернувшихся от него, как только он перестал сорить для них деньгами и быть веселым собеседником на пирушках.

Друзья покинули Франциска, но ему остались верными бедняки, к которым он всегда, даже в период самой разгульной жизни, относился с теплым сочувствием и немедленно приходил на помощь. Тоскующей душе Франциска, не находившей нигде успокоения, доставляла невыразимую отраду робкая дружба и привязанность обездоленных и несчастных. Необыкновенная кротость и доброта Франциска привлекали к нему сердца людей, нуждающихся не только в подаении, но и в сочувствии и добром слове. У Франциска они всегда находили и то, и другое, и он никогда не подавал милостыни с высокомерием, свойственным другим богачам.

Дружба бедняков и робкое их поклонение хотя и радовали Франциска, но в то же время возбуждали в его душе какое-то смутное чувство, и ему все казалось, что он недостойн того восторженного поклонения, которое он встречал в беднейших классах населения Ассизи. Большинство бедняков, известных Франциску, впали в нищету вследствие войн, плохих урожаев и болезней и поэтому нуждались не только в материальной помощи, но и в нравственной поддержке, у Франциска они всегда находили и то, и другое, и не удивительно, что они питали к нему величайшую преданность.

Чуткая душа Франциска начала сознавать все сильнее и сильнее противоречие между окружавшей его роскошью и нищетой, свидетелем которой ему приходилось быть. Прежде Франциск щедро раздавал милостыню, но не задумывался над чужими страданиями. Теперь же он проникался этими страданиями, и роскошь его жизненной обстановки становилась ему все более и более невыносимой. Жить в такой роскоши и подавать нищему от своих избытков казалось ему недостойным человека, проникнутого любовью к ближнему; малопомалу бедность и нищета окружались особенным ореолом в глазах Франциска и получали

заманчивую прелесть, какой уже не имел для него окружающий мир богатства и наслаждений.

Франциск и прежде всегда жаждал подвигов, увлекаясь рыцарскими чувствами. Теперь же, вследствие совершившегося в нем нравственного перелома, рыцарские подвиги не привлекали его более, но стремление отдать себя всего какой-нибудь идее, жажда самопожертвования еще усилились в нем. Мало-помалу спокойствие проникало в его душу. Чудная окружающая природа оказывала на него свое действие, но он смотрел на нее уже совсем иными, просветленными глазами и находил в ней новый, неизвестный ему до тех пор, источник наслаждений. Он начал ощущать в сердце прилив глубокой нежности и сострадания ко всему живущему, к самому маленькому зверьку, к каждой былинке. Он перестал избегать общества, ему казалось временами, что он готов обнять весь мир и прижать к своему сердцу все страждущее человечество. Он ощущал в себе потребность действия; ему хотелось прокричать всем людям, чтобы они полюбили друг друга, воинам – чтобы они перестали проливать кровь, но он не знал, как поделиться ему с людьми тем беспредельным запасом нежности и любви, который накопился у него в сердце.

Около этого времени Франциск совершил паломничество в Рим. Настроение той эпохи, в которой он жил, конечно, должно было заставить его искать утешения и указаний в религии. Эти указания он нашел в христианском учении, в проповеди Христа, которая и придала осязательную форму его неясным стремлениям и побуждениям. Его путешествие в Рим ознаменовалось важным событием, решившим его дальнейшую судьбу. Много раз, подавая нищим милостыню и утешая их, он терзался вопросом, был ли бы он в состоянии переносить безропотно такую нищету. Тяжесть какой-нибудь ноши можно вполне оценить лишь тогда, когда взвалишь ее себе на плечи, и поэтому Франциск решил испытать на себе, каково быть нищим, ничего не иметь и находиться в зависимости от сострадания, а подчас и от каприза прохожих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.